

Иштван Балог

О литературе земли Коми и о переводе

Имеются в мире так называемые маленькие языки, точнее языки маленьких народов. Они являются равноценными рядом с мировыми языками. Таким «маленьким» языком считается и коми-зырянский язык, на котором в наши дни говорят меньше трёхсот тысяч коми-зырян.

Республика Коми входит в состав Российской Федерации, с 1992-ого года она называется Республика Коми. Численность населения Республики Коми 1185,5 тысяч жителей на 1.1.1996 г., из которой коренное население составляет 291,5 тысяч по данным переписи 1989.

Коми язык относится к пермской группе финно-угорской семьи языков. Близкородственным являются коми-пермяцкий и удмуртский языки, а более отдалённое родство связывает его с венгерским, финским, эстонским, мордовским, марийским, хантыйским и другими языками.

Дописьменный период коми языка продолжался до 14-ого века. Возникновение письменности связано с деятельностью епископа Стефана Пермского, который создал древнепермскую азбуку с использованием греческого и кириллического алфавитов. Предпосылками для рождения коми литературы послужили живая разговорная речь, национальный фольклор и памятники письменности на коми языке, например, богослужебные книги для коми-пермян.

Основателем коми литературы считается Иван Алексеевич Куратов (1839–1875). Куратов был поэтом-демократом, который с большой теплотой и любовью изображает жизнь простого народа напр., в стихотворении «Коми кыв» (Коми язык, 1857).

В послекуратовский период продолжают творческий путь Т.С. Лыткин (1835–1907), К.Ф. Жаков (1866–1926) и М.Н. Лебедев (1877–1951). Т.С. Лыткину принадлежат переводы на коми язык «Жития Стефана Пермского». М.Г. Лебедев на основе коми фольклора и мифологии создал эпическую поэму «Ягморт» (Лесной человек).

Особое место занимает в коми литературе К.Ф. Жаков и его «поэма» *Биармия* (1916). *Биармия* считается коми литературным эпосом (см. К. Жаков: *Биармия*, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1993).

О фольклорных истоках коми эпоса автор писал так: «При современном состоянии этнографии и «доисторической, первобытной» истории можно сказать, что саги, как и былины, как и сказки, составляют поэтическую историю народа. Всё то, что говорилось в сагах о *Биармии*, имело место, как доказывают другие данные у вогулов, остяков и других финских племён Восточной России и Сибири.»¹

Термин *Биармия* связан с предположительно существовавшим некогда чрезвычайно мощным и богатым древним финно-угорским государством к востоку от Северной Двины.

Цитируем 1-ую часть *Биармии*:

БИАРМИЯ

I

Где ты, где ты, пурпур песен,
Изумруд сказаний древних?
Где станок великой жизни,
Где челнок великой ткани,
Нитей жизни приумолкшей
В временах давно минувших?

Утка древняя сидела
На скале темносенистой,
Утка древняя сказала:
«Я забыла песнопенья,

БИАРМИЯ

I

«Кӧнӧсь дона изъяс кодъ жӧ
Мича важся сыланкывъяс,
Йӧз кост
висътасьӧмъяс-мойдъяс?
Уна рӧма ловъя шӧртсьяс
Кӧні олӧм кыан станьс,
И чӧлнӧкыс стансьяс кӧні?» –
Сійӧ ылӧ кольӧм кадӧ
Сёрнитіс тадз пӧрысь утка,
Коді Съӧд из вылын оліс:
«Менам вунӧмаӧсь аслам

¹ К. Жаков: *Биармия*, Сыктывкар, Коми книжное издательство, 1993. с. 6.

Нет в зобу моем тех сказок,
Дивных притчей, прибауток,
Слов народных отдаленных».

Мича съланкывъяс йӧзлӧн,
Тшӧтш и важся
шусьбӧг-мойдъяс...»

Автор: Каллистрат Жаков

Перевёл: М. Елькин (1992)

Уже у Куратова возникают мысли о национальном языке. По мнению основателя коми литературы коми язык «прост и тих», но истина в том, что каждый народ стал великим с помощью своего родного языка, то есть своего своеобразного мышления. Это своеобразное мышление отражается и в современной коми литературе, например, в поэзии Галины Бутыревой:

Живое чудо-дерево,
олене стадо,
поскрипывает
ветками-рогами,
упираясь
в Млечный путь.

A földigérő életfa
és a rénszarvascsorda
ezerágú gallyal-
szarvval
gyökerezik
a Tejútba'.

*(Галина Бутырева: Бог с тобой.
Сыктывкар, 1994. 37-38.)*

*(Перевёл: Balogh István)**

Особенности живой разговорной речи и национального фольклора отражаются в нижеприведённых примерах:

Большим человеком домой
Вернувшись,
И вспомнив о многом,
Смотри, не ударься –
Косяк невысок.
Склонись перед отчим порогом.

Ha majd nagy emberként,
egyszer, hazavezet utad...
... hajts fejet
- alacsony a szemöldökfa -,
be ne üsd a homlo-
kodat...

*(Нина Обрезкова (с рукописи).
Перевод с коми Н. Терентьевой.)*

* Megj.: az alábbiakban a verseket fordította Balogh István (В дальнейшем переводчик И. Балог).

Лавой по стягу заката Конница мчит. Дикая кровь азиата В сердце стучит.	Támad az ösztön, a láva, Lobban a vér, Ázsia szívdobogása Lelkemig ér.
Катится, катится лава В раже хмельном. Разве не я это справа На вороном?	Csillan a nyíl, meg a dárda, T'án bizony én Vágtatok ott a csatában, Szénfeketén.
Мечется сердце в неволе – Зверем в груди. Кровью умоется поле Там, впереди.	Lüktet a vér a fejemben: Állati vágy! Vérzik a föld sebe egyre, Szíve is fáj.
Жалобно в сумерках волчьих Полю стонать. Разве не мне это, молча, В поле лежать?	"Jaj"-t hoz a tűzpiros alkony, Győz a halál. T'án-bizony elhagy az arcom, S lelkem elszáll?
Боже, когда это было! Будет ли вновь? В сердце моем не остыла Дикая кровь...	Istenem! - Szállnak az évek, Lesz-e "Újra"? Szívembe dermed a vérem: Látom a múltat...

*(Александр Суворов см.: Открытая
дверь, Сыктывкар, 1997. 209.)*

В стихотворениях Сергея Журавлёва чувствуются глубокие философские мысли, в которых отражаются вековые и актуальные проблемы человеческого бытия.

На родовом погосте

– Что же ты, сын певуна именитого,
горькую пьешь третий день?
– Слово – камень плющем пообвитое.
мертвую бросило тень,
Слово мое, исповедное, дерзкое,
слово – отрада души,
слово, которое выносил, вынянчил
мертвым ребенком лежит.
Давит на плечи мои неокрепшие
мудрая тяжесть креста...
– Разве не помнишь, что «мира светлейшие»
не издавали Христа?

(Сергей Журавлёв: Медный кови. Сыктывкар, 1994. 10.)

Sírok közt keseregve

- Fiam, te - a szónak mestere,
három napja csak a szeszt vedeled!
... követ repkény ront, a holt ige árnyékot
vetett... kesergek, mert szavam
megszenvettem-kihordtam-megszültem,
Szavam... lelkem gyümölcse,
szavam - gyónás igéje, igaz-őszinte,
de élettelen, halott...
- Fiam, t'án biz' elfeledted az írást is:
... Krisztus feltámadott.

Не коснись души, остуда,
в судьбоносный час, когда
я иду из ниоткуда –
в никуда.
Редкий волос ветер треплет.
наст хрустит под башмаком.
Проводов хрустальный лепет
о несбыточном... былом.
И выходит из-за дома,
зябко кутаясь в пальто,
мне навстречу незнакомый
по фамилии Никто.
За спиной висят понуро
два истрепанных крыла,
он нашептывает хмуро
непонятные слова:
– Не коснись души, остуда,
в судьбоносный год, когда
я бреду из ниоткуда...
В никуда.

*(Сергей Журавлёв: Медный ковш.
Сыктывкар, 1994. 2.)*

Вопреки трудностям коми народ и коми язык живут и надеемся, что
возрождаются. Явным примером жизнеспособности языка «служит» и
стихотворение И. Вавилова.

Honnan ... hova?

Harag, ne érintsd meg lelkem
sorsdöntő percben soha! -
Épp' sehonnan bolyongok
- sehova...
Szél cibálja a hajamat,
léptem jeges hófolt,
zizegi-zúgja drótfonat:
elvetélt, ami ó volt.
Ház mögül egy nagykabátos
ismeretlen férfi
közeledik magányosan,
neve szerint - Senki.
Hátán cipeli fáradtan
két megtépzott szárnyát,
alig érthető halk szavak
még zárják-nyitják száját:
- Harag, ne érintsd lelkem
sorsdöntő percben ... soha,
épp' sehonnan indulok ...
... de Hova?

Земля Коми	Komiország
Зарни – золото по коми, Ань – по коми значит – баба, До крестителя Стефана, Коми поклонялись Солнцу.	Asszony – „any”, mondja a komi, Arany – komi nyelven – „zárnyi”, A Napot imádták a komik A nagy Permi Szent Istvánig.
Парма – лес, тайга по коми, Волки, дичь, медведи, зайцы, До крестителя Стефана, Коми поклонялись Лесу.	Az erdő, a tajga – „párma”, Medve, farkas, vad – van ám itt! A fák szellemét imádtá A komi... Permi Szent Istvánig.
Ва – вода, река по коми, Семга, хариусы, щуки, До крестителя Стефана, Жили, как глядели в воду.	„Va”: víz, élő víz, komi nyelven. Lazactól périg és csukáig Úgy élt itt mindenki, mint hal a vízben, A nagy Permi Szent Istvánig.
...не языческая память говорит во мне сегодня, просто кажется что коми очень сильно изменились с той поры как их крестили.	...nem a pogány emlékezet szólalt meg bennem mélyen... Úgy tűnik, a komik nagyon megváltoztak életükben: időben, s a keresztségben.

Игорь Вавилов (с рукописи)

Один плюс один – при определённых условиях – два. Условия определяются нами. А в области художественного перевода – один (т. е. оригинальный текст) и один (т. е. его перевод) являются одним и тем же, если осуществилась эквивалентность. К эквивалентности можно приблизиться, но достичь её полностью – почти невозможно.

Под термином «эквивалент» подразумевается «нечто равноценное другому, вполне заменяющее его» (см. Ожегов С.И.: Словарь русского языка: М., 1987).

Осуществить эквивалентность при переводе лирических произведений труднее всего, ведь нужно учитывать и содержание, и форму, по возможности сохранять и образы, художественные приёмы и т. д.

Процесс перевода осложняется, если переводчик вынужден работать не по оригинальному тексту, а переводит с помощью «третьего языка».

К сожалению, мало тех, кто пишет на своём родном коми языке, но для переводчика интересно и полезно в процессе работы над переводом консультироваться с самими авторами по поводу особенностей их текстов.